

УДК 1+39:316

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

В.А. Михайлов, С.В. Михайлов, О.В. Ковалева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье раскрывается потенциал междисциплинарного подхода в изучении природы этнического сознания.

Ключевые слова: *взаимодействие, междисциплинарный подход, этногенез, этнодетерминанта, этномаркер, этническое сознание.*

Этническое сознание предстает как важный элемент исторической памяти того или иного народа, как сквозной исторический феномен в виде непрерывного осознания этносом своей самости. С одной стороны, без надлежащего учета места и роли этнического сознания сквозная линия в этногенезе вообще не просматривается и отдельные его этапы (род – племя – союз племен – народность – нация – постнация) предстают как чисто инструментальные «идеальные типы», а с другой – на каждом этапе этногенеза мы наблюдаем вполне уникальную форму этнического сознания, которая напрямую сопрягается с ведущей на тот или иной момент времени этнодетерминантой. Например, наличная господствующая форма общественного сознания во многом обуславливает господство соответствующего этномаркера в структуре этносознания (в средневековой Руси: русский=православный).

Надо отметить, что природная прерывистая непрерывность в эволюции этнического сознания наиболее эвристично и адекватно прослеживается с помощью междисциплинарного подхода, ориентирующего, в первую очередь, на выявление и описание коэволюционных взаимосвязей этногенеза с тео-, социо-, лингво-, политогенезом и т. д. Философы, историки, экономисты, политологи, социальные психологи и многие-многие другие исследователи могут внести свой незаменимый вклад в совокупный исследовательский продукт. Сопоставление и сопряжение экономической, политической, социальной и культурной истории любого народа позволяет обнаружить тот кардинальный факт, что этническое сознание существенно отличается от всех других типов Мы-ориентаций: меняются религиозные комплексы, нормы культурной жизни и проч., а этнос при этом осознает себя практически вечным (Э. Ренан обозначил данный феномен как «постоянный плебисцит»; то, что решается ежедневным народным голосованием).

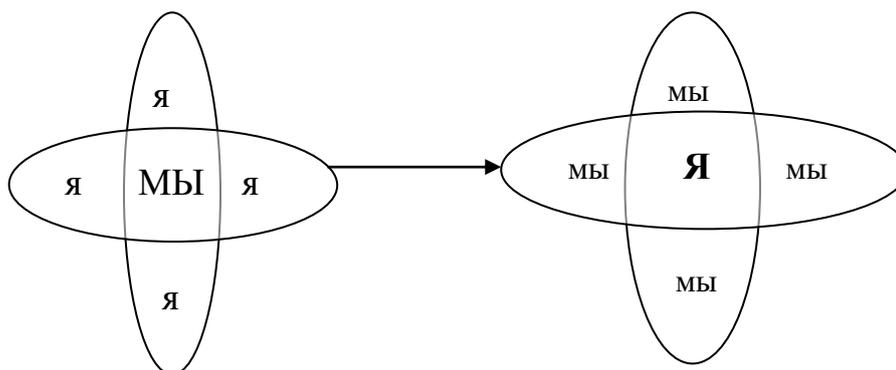
Однако при этом обнаруживается, что на каждом этапе своего исторического развития этническое сознание наделено уникальными чертами. Так, в первобытном обществе род выступает как этнос, семья, социальная структура и т. д. одновременно. Из-за указанной нерасчле-

ненности обо всем приходится говорить как о «квази»-образованиях. Недаром В.А. Шнирельман и другие исследователи предпочитали говорить о «протоэтнотносе», так как этническое сознание еще не выделилось в самостоятельную единицу, слито с иными группоцентризмами.

На народностном этапе индивидуальное «Я» получает возможность идентифицировать себя уже с несколькими «Мы». Новый субъект нового этапа в этногенезе (древнерусские князья) выступил как над- (объединили отдельные родо-племенные союзы вятичей, кривичей и пр.) и антиродовая сила (сломали идейную основу родового строя – язычество).

Отличительные черты этноса на каждом крупном этапе этногенеза предопределяются прежде всего тем, что каждый новый субъект этнического самосознания вынужден создавать практически новую историческую общность людей. Например, в борьбе за древнерусскую государственность князьям – в борьбе за укрепление и распространение нового «мы» («русская земля») – пришлось преодолеть два всеильных в прошлом этнических маркера: более широкий («славяне») и более узкий («словене», «кривичи» и т. д.).

На каждом этапе истории развития этноса мы находим конкретно-историческую структуру этнического сознания. Например, схематика исходной и конечной фаз эволюции базовой взаимосвязи «Я – Мы» выглядит следующим образом:

В первой и последней стадиях развития этнического сознания мы наблюдаем прямо противоположную картину. Так, в родо-племенном сообществе в центре мировоззренческих ориентиров располагается коллективное «Мы», а в современном обществе центрация приходится на индивидуальное «Я». В эпоху господства кровнородственных связей «я» не автономно и между различными «Я» наличествует так называемая «механическая» солидарность. В период распространения народности «Я» получает известную автономию, но все еще намертво привязано к конкретному «Мы» (сельская община, сословие, вероисповедание и т. п.). Ж. ле Гофф пишет: «Пытаясь приблизиться к людям Средневеко-

вья в их индивидуальности, мы неизменно утверждаемся, что индивид, принадлежавший, как и в любом другом обществе, сразу к нескольким общинам и группам, не столько утверждался, сколько полностью растворялся в этих общностях... Средневековый индивид был, таким образом, опутан сетью обязательств и солидарностей, вступающих в конечном счете в противоречие друг с другом, что давало человеку возможность освободиться и самоутвердиться в результате неизбежного выбора» [5, с. 261]. На уровне нации индивидуальное «Я» получает формальную свободу в отношении любых «Мы», хотя и не освобождается от реального растворения в них.

С точки зрения долговременных перспектив во взаимоотношениях трех основных видов самоидентификации (индивидуального «Я», различных форм группового «Мы» и универсального общечеловеческого «супер-Мы») в истории прослеживается довольно четкая тенденция. Сначала первая и последняя формы самоидентификации неопределенны и неотчетливы. Личность пока еще не имеет своего личного имени, а именуется исключительно с помощью половозрастных и родоплеменных маркеров. Как писал Э. Дюркгейм, коллективное сознание покрывает все сознание индивида и совпадает с ним во всех точках: «...в низших обществах наиболее многочисленные проступки те, которые оскорбляют нечто общественное; это проступки против религии, нравов, авторитета и др. Достаточно посмотреть, как относительно мало места уделено в Библии, в законах Ману... предписаниям, защищающим личность, и напротив, пышное развитие репрессивного законодательства относительно различных форм святотатства, пренебрежения разными религиозными обязанностями... В Египте самое незначительное святотатство наказывалось смертью» [2, с. 93]. Ясно, что формировавшееся в таких условиях этническое сознание (родо-племенное и народностное) противостоит и опосредуется одними лишь коллективными формами самоидентификации, что и предопределило его долговременную невыделенность, неотделенность от социально-политических, церковно-религиозных и прочих групповых «Мы». Всечеловеческое сознание в Средние века проявлялось только у немногочисленных интеллектуалов, а значит, не могло выступить уравнивающим элементом при взаимосотнесении различных группоцентризмов.

Лишь с Нового времени общечеловеческое развитие начинает синхронизироваться с личностным и общечеловеческим типами самоидентификации. М. Оукешотт пишет: «В Англии, Франции, Нидерландах, Испании, Швейцарии, Польше, Венгрии и Чехии, особенно во всех центрах муниципальной жизни складывались условия, благоприятствующие развитию индивидуальности... Наличие высокой степени индивидуальности в поведении и вере стало все больше рассматриваться как одна из сущностных черт человека и как основной компонент человеческого "счастья", оно превратилось в одну из важнейших

характеристик личности новоевропейского типа» [1, т. 2, с. 451]. В качестве индикаторов развертывания индивидуализма можно перечислить следующие эпохальные события: появление протестантизма с его принципом личной веры, распространение индивидуализма в искусстве Возрождения, деятельность просветителей с их безграничной верой в человеческий разум, развертывание либерализма с его ориентацией на личные права и свободы.

Конечно, чрезвычайное развитие личностного начала отнюдь не отменяет коллективных форм самоидентификации. Наоборот, человечеству пришлось пройти через самые различные варианты группового единения и групповой самоидентификации, наиболее отчетливо проявившихся в религиозных войнах, классовой борьбе и национально-освободительных движениях. Тем не менее ослабление «Мы» в отношении «Я» произошло (их стало много, они стали конкурировать, а значит, уравнивать друг друга), и именно к нему стало переходить активное начало в связке «Я–Мы».

Итак, этнос, как одна из больших социальных групп, развивается в тесной связи с другими постоянно эволюционирующими большими и малыми социальными группами. Пока родовая община выступала как тотальная целостность, главный субъект всех общественных связей, как универсальный социальный институт и главенствующая социальная группа, не только семья, но также индивид и этнос имели весьма специфические черты и качества. И хотя индивид уже здесь оказывается способным идентифицировать себя сразу с несколькими «Мы» (половая, возрастная, статусная и т. п. группы), тем не менее они все производны от кровнородственного «Мы», а значит, не являются ему конкурентами. Здесь этноцентризм существует в виде родоцентризма.

Чем дальше «народ» уходил от «рода», тем меньшее значение (в качестве этнодетерминанты) играло кровное родство. Например, при переходе от родовой общины к народности, когда государственная жизнь потребовала четкой фиксации социальной принадлежности индивида, личное имя начинает привязываться к территории проживания или подданства. Например, это найдет свое отражение в промежуточных этнонимах типа «русская земля» и «русский язык».

Из своего прошлого единства «семья=этнос» семья постепенно стала эволюционировать в сторону малой социальной группы, освобождаясь от этноцентризма, а этнос, приобретая над- и внесемейный характер, начинает превращаться в большую социальную группу. Конечно, семья в эпоху народности – это все еще «большая семья» (на территории Европы она составляла в среднем 40 человек), но она уверенно отбирает у рода функции базовой хозяйственной единицы, главного элемента социальной структуры, основного института социализации и др. Как отмечал В.О. Ключевский, теперь правит не родовладыка, а домовладыка. Естественно, как семье, так и этносу

потребовались совершенно иные (теперь уже отдельные и самостоятельные) системообразующие духовные факторы.

Постепенно появляются и закрепляются новые виды «родства» – военное братство («дружина»), конфессиональное единство («единоверцы») и пр. Былое тождество «Я=Мы» сменяется противоречивым единством «Я=множество Мы». В конкурентной борьбе за монополию в самосознании индивида социально-классовые, территориальные, конфессиональные и прочие «измы» взорвали господствовавший ранее этно-родовой синкретизм. И чем больше индивид автономизируется, тем больше в обществе появляется различных «посредников» в виде тех или иных группоцентризм. Последние, с одной стороны, обеспечивают индивиду известное дистанцирование от любого «Мы», т. е. предохраняют от первобытной слитости «Я–Мы» (правда, в эпоху классовых битв, религиозных и национальных движений, отечественных войн первобытная дихотомия «Мы–Они» неизбежно возвращается к интенсивной жизни), с другой – удерживают личность от «штирне-ровского» индивидуализма.

Наибольший интерес и самые интересные выводы дает сравнение закономерностей в развитии этнического сознания исторических трансформаций социальной структуры общества. Так, родо-племенное сообщество не ведает социально-экономической, классовой и прочей дифференциации. С формированием первых цивилизаций меняется форма хозяйствования, социальная структура, способы управления и т. д. Основной ячейкой общественного устройства становится соседская община. С одной стороны, она не может лечь в основу новой этнической общности (народности), так как является самозамкнутой системой, организующей все виды жизнедеятельности сельского населения. С другой стороны, этот тип (земельной) общины уже не основывается на кровнородственных связях, т. е. разомкнут в отношении других группоцентризм и поэтому может быть объединен (сверху) в более крупное «Мы». Южнорусское слово «вервь» (до XII в.) и севернорусское «мир» (после XII в.), аналогичные по своему социальному содержанию германскому «марка», польскому «ополе», литовскому «паукас», обозначающие территориальную общность, вытесняют древние обозначения кровнородственных коллективов. Вполне различимой становится социально-классовая стратификация. Уже в варианте «Русской правды» XI столетия ясно различимы основные категории населения: высший слой свободных («мужи», «князья»), свободные среднего класса («люди», ремесленники), ограниченно свободное население («смерды»), рабы («челядь», «холопы»).

Согласно В.В. Колесову [3], первоначально слова «муж» и «человек» были практически равнозначными. Как свободный член племени «муж» противопоставлялся «отроку» и «холопу». Даже в Древней Руси «мужь» – это скорее муж-мужчина, чем муж-супруг. С усложне-

нием социальной структуры бывшие половозрастные термины наполняются социально-классовым содержанием – появляется «честень мужь» (боярин), «праведень мужь» (монах) и т. д. Лишь к XIV в. единство и множественность значений слова «мужь» преодолевается. В последующем – опять же вместе с эволюцией социальной структуры – бывшее уважительное «мужь» (свободный, владетельный и властвующий человек) даст уничижительное производное «мужик». Таким образом, классогенез и этногенез коррелируют друг с другом: новый вид социальной организации потребовал формирования новой этнической общности, и наоборот.

Народностная форма этноса исторически повсеместно коррелирует с сословным социальным устройством общества. Сословность, как определяющий признак средневековой социальной структуры, предопределила противоречивость, ненадежность и неполноту данной формы социальной связи между отдельными группами населения. Она стала серьезным барьером в деле формирования чистого национального сознания. Например, сельскохозяйственное население, являясь основной производящей массой, не смогло выступить субъектом этнического самосознания. Великорусские исторические песни XIV–XVII вв. начисто лишены общенационального пафоса, зато переполнены социально-классовым духом: в героях ходят разбойники и изгои.

Город – главный признак перехода к государственному образу жизни. Градостроительство четко фиксирует границу между родоплеменным сообществом и последующими ступенями в этногенезе любого народа. А.И. Рогов и Б.Н. Флоря подметили, что в «Повести временных лет» среди этнонимов славянских племен практически невозможно встретить производные от названий городов (это все еще совсем иная эпоха). Можно смело утверждать, что рост национального самосознания прямо пропорционален росту и укреплению городов. Например, позднесредневековый город повсеместно выступает необходимой и достаточной средой объединения и распространения общенациональных языков. В.Г. Костомаров замечает: «Вклад города в развитие, шлифовку языка весом. В городе язык теряет прямую зависимость от капризов природы, географии, климата. Вперед выдвигается его зависимость от людей, от общественного устройства» [4, с. 154]. Конечно, город в эпоху народностей принципиально отличается от эпохи наций: в средневековый город бегут («городской воздух делает свободным»), везут разнообразные товары (центр торговли) и т. д. Средневековый город как бы «пассивен», из него идут лишь государственные чиновники, но не буквари и интеллигенция. Город Нового времени станет соединять провинции совершенно иным способом: из него текут различные товары, распространяется единая культура и т. д. Такой город чрезвычайно «активен». Таким образом, средневековый город в принципе не может стать местопребыванием нации. Иноэт-

ничность городского населения, дожившая в Российской империи до начала XX в. (Кишинев, Баку, Тбилиси и др.), ослабляла роль городов как потенциального пространства национального самосознания.

С превращением дворянства в основу царской власти в России российское общество впервые получило статусную группу «граждан», основного субъекта переходного типа этнического сознания. Э. Хобсбаум цитирует М. Gross: «Дворяне были единственным классом, члены которого поддерживали между собой постоянную связь. Средством ее служили административные округа и сословные собрания, где представители знати обсуждали важные вопросы и принимали решения в качестве “хорватской политической нации”. Это была нация без “национальности”... то есть без национального самосознания..., поскольку дворяне не отождествляли себя с прочими членами хорватской этнической общности – крестьянами и горожанами. Феодал-“патриот” любил свое “отечество”, однако подобное “отечество” охватывало в сущности лишь поместья и владения равных ему по рангу лиц и “королевство” вообще» [6, с. 119]. Это основная причина, вследствие которой выходящее за пределы народностного самосознания дворянство так и не вышло на уровень субъекта национального сознания.

Духовное сословие (в силу внутреннего космополитизма религиозной идеологии и закрытости церковной общины), несмотря на свою поистине огромную роль в исторических пертурбациях русского этнического сознания, также не смогло стать носителем общенационального сознания.

Можно сделать следующий основополагающий вывод: в родовом сообществе этно- и социоструктура практически совпадают, а в эпоху народностей, наоборот, резко контрастируют друг с другом. Как в том, так и в другом случаях этническое сознание не может оформиться в своей адекватной (самостоятельной) форме. Только на уровне наций мы впервые наблюдаем диалектическое тождество этно- и социоструктуры. Формирование общенационального рынка и общенационального языка, индустриализация и информатизация общества и прочие синхронные процессы сомкнули воедино индивидуальные, коллективные и общегосударственные интересы и ценности. В Средние века религия и политика были сверхнациональными (папы римские и руководители Священной римской империи германской нации пытались построить вселенские теократии или новые империи), а экономика и культура – донациональными (говоры вместо общенационального языка, местечковость вместо национального чувства и т. д.). Новое время создает новую конфигурацию социального организма. Государство-нация становится ведущей точкой отсчета во всех сферах общественной жизни. Даже характер международных отношений существенно изменяется: если в родо-племенном обществе чужеземец есть «иноплеменник», т. е. лицо вне кровнородственных связей, а в

средневековье он – «ничей человек», т. е. лицо без личного подданства, вне вассальных отношений, то в Новое время такой человек начинает рассматриваться как «иностранец», т. е. человек определенного этноса и четкого государственного подданства.

Буржуазия везде и всюду является носителем национальной идеологии. Первоначальный буржуазный дух обладал огромным нациообразующим потенциалом: потребность общенациональных экономических связей; требование общеуравнивающего правового состояния и т. п. Однако сама по себе (без других элементов коллективного субъекта национального самосознания) буржуазия не способна породить «национальную» общественную среду, ибо у нее тоже есть свое особое «отечество», не совпадающее с Отечеством: ради прибыли буржуа всегда готов изменить национальному самосознанию (в перспективе буржуазия будет становиться одним из акторов новой, постнациональной формы этнического сознания). Для буржуазии, в отличие от творческой интеллигенции, этническая самоидентификация выступает как средство, но не цель. Поэтому буржуазия в один исторический период формирует национальное государство, а в другой – она его также успешно разрушает.

Если буржуазия обычно формирует «тело» нации, то интеллигенция везде и повсюду «вдыхает» в это тело душу. Национальная интеллигенция создала национальную историю, спланировала разговоры в общенациональный язык, в конце концов, замахнулась на формулирование национальной идеи. Она впервые заговорила внесловным, т. е. объединяющим и примиряющим народ, языком. При этом интеллигенция неизбежно выступает своеобразным духовным маргиналом, являясь по своей сути и по своему историческому призванию посредником между другими классами и сословиями (одно из определений русской интеллигенции – ее разнотинность).

Специалисты в области общего этногенеза в качестве ведущей называют тенденцию взаимообоюдного стремления друг к другу этнического и политического начал. Недаром появился специальный термин («государство-нация»), обозначающий как цель, так и содержание данного процесса. Краткая история взаимопроникновения этно- и политогенеза такова. На уровне племени (рода) еще нет ни этнического, ни политического сознания в качестве самостоятельных величин; на уровне народности политический фактор уже превращается в одну из важнейших этнодетерминант; на уровне наций мы уже наблюдаем, что политические символы начинают выполнять заглавную этномаркирующую функцию. Конечно, ни одно государство не смогло стать строго однонациональным. И в этом сказывается наследие народностного этапа в развитии любого этноса, когда государство оставалось в целом равнодушным к этнической принадлежности своих подданных и не заботилось о своей этнической гомогенности (даже наоборот – стремилось к

максимальному захвату чужих территорий и народов). Тем не менее любая формирующаяся нация стремится обрести собственное государство, а государство стать национальным. В общественную жизнь врывается идеология национализма.

Выводы. Каждый последующий этап этногенеза дает нам новую связь этноса с ведущей этнодетерминантой, одновременно – иную структуру этнического сознания и новый заглавный этномаркер (идентификатор).

Все этнодетерминанты можно подразделить на суб- и супраэтнические, которые на каждом этапе исторического развития этноса и эволюции этнического сознания действуют в разных направлениях, обеспечивая развитие и развертывание этнических реалий. Так, противоречивое взаимодействие сверхнациональных и донациональных этнодетерминант в итоге сформировали нацию и национальное самосознание.

Накапливаемое, наследуемое и постоянно перерабатываемое мировоззренческое наследие также детерминирует развитие этнического сознания. Именно подобная самодетерминация этноса отражает и выражает феномен непрерывности исторической памяти народа.

Сквозной (проходящей через все исторические эпохи и этапы этногенеза) тенденцией является постепенный переход от «объективных» конструктов самоидентификации к субъективным способам этнического самоопределения. В итоге индивидуальное, сознательное и свободное определение своей этнической принадлежности выдвигается на первое место и закрепляется законодательно.

Взаимосвязь «этнического» и «социального» в ходе истории носит диалектический характер: «этническое» зависит от других типов «социального», но не сводится к ним. При выявлении и вычленении культурных, политических и прочих элементов этнического сознания все равно остается некоторый «остаток», который обладает эмерджентным свойством по отношению к своим «социальным» компонентам. Отсюда одна из особенностей этнического сознания: это самое стабильное и одновременно самое изменчивое мироощущение; оно обычно «спит», забитое «инородными» социальными потребностями и интересами, но легко «просыпается».

Сегодня нации (как историческая разновидность этнических общностей) приобретают новое качество, о чем ярко свидетельствуют такие идейно-политические клише, как «гражданин мира», «европеец», «советский человек», «приоритет общечеловеческих интересов и ценностей» и т. п. Прошлые процессы формирования наций из совокупности близкородственных народностей или формирования общенациональных языков из близких народных говоров (феномены «первой тенденции в национальном вопросе») мало чем отличаются от современных процессов формирования наднациональных общностей

или распространения общемировых языков общения (феномены «второй тенденции в национальном вопросе»).

По своему историческому смыслу «нация» отныне является категорией разъединительной, а не объединительной идеологии. Национальный «изм» находится не «впереди», а «сзади» ведущих тенденций современности. Он более не укоренен в социально-экономической, политической или культурной сферах, и у него уже нет «базисных» носителей. Подобный процесс «освобождения» национализма от прогрессивного социального содержания сопровождался тенденцией укрепления его относительной самостоятельности (у него нет и «базисных» антиподов). Национализм становится расхожей монетой не столько для политиков, сколько для политиканов.

Нации (как проходящая историческая разновидность этнических общностей) будет испытывать все более подтачивающее и разрушающее воздействие сразу с двух сторон – укрепляющегося индивидуализма и общечеловеческого «Мы». Уже сегодня индивидуальное «Я» все чаще и прочнее коррелирует с единым общечеловеческим «Мы», а значит, становится все более автономным от любых (уже не всесильных) многочисленных группоцентризмов.

Список литературы

1. Антология мировой политической мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. 2. 830 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Методы социологии. М.: Наука, 1990. 575 с.
3. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 312 с.
4. Костомаров В.Г. Жизнь языка: От вятичей до москвичей. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 240 с.
5. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Изд. группа «Прогресс», Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
6. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 318 с.

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO THE STUDY THE NATURE OF ETHNIC CONSCIOUSNESS

V.A. Mikhailov, S.V. Mikhailov, O.V. Kovaleva

Tver State University, Tver

The article reveals the potential of an interdisciplinary approach to the study of the nature of ethnic consciousness.

Keywords: *collaboration, interdisciplinary approach, ethnogenesis, ethnic determination factor, ethnic marker, ethnic consciousness.*

Об авторах:

МИХАЙЛОВ Валерий Алексеевич – профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии, ФГБОУ «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: Mikhaylov.VA@tversu.ru.

МИХАЙЛОВ Сергей Валерьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, ФГБОУ «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: Mikhaylov.SV@tversu.ru.

КОВАЛЕВА Ольга Владиславовна – старший преподаватель кафедры политологии, ФГБОУ «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: Kovaleva.OV@tversu.ru.

Authors information:

MIKHAILOV Valery Alekseevich – PhD, Professor, Head of the Department of sociology, Tver State University, Tver. E-mail: Mikhaylov.VA@tversu.ru.

MIKHAILOV Sergey Valeryevich – PhD, Associate Professor of the Department of sociology, Tver State University, Tver. E-mail: Mikhaylov.SV@tversu.ru.

KOVALEVA Olga Vladislavovna – Senior lecturer of the Department of political science, Tver State University, Tver. E-mail: Kovaleva.OV@tversu.ru.